

АННЕТА ТКАЧЕНКО

Истории четырёх океанов

Аннета Ткаченко

Истории четырёх океанов

«Издательские решения»

Ткаченко А.

Истории четырёх океанов / А. Ткаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904228-6

Всегда ли мы добиваемся того, чего желаем? А особенно того, кого желаем? Сильны ли мы в своих мыслях, смелы ли в поступках? Действуем или только страдаем от жалости и неуверенности? Жалости, основанной на слабости и страхе. Что легче делать или думать о своих возможностях, о своих желаниях? Писать или говорить? Думать или делать? Бороться или сдаться? Жить или умереть? Любить или забыть?

ISBN 978-5-44-904228-6

© Ткаченко А.
© Издательские решения

Содержание

Мысли, которые мне приснились	6
Евангелина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Истории четырёх океанов

Аннета Ткаченко

Посвящается моему мужу

Редактор Инна Белая

Фотограф Алина Кульбашная

© Аннета Ткаченко, 2018

© Алина Кульбашная, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4228-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мысли, которые мне приснились (от автора)

Когда я села писать первую страницу своей книги, моему блогу карапузики исполнилось 2 года. Каждый раз публикуя свои тексты в социальных сетях, я получала разные сообщения с одним подтекстом: пиши больше. Это и стало моей отправной точкой. Возможно, после этого шага я открою свой ящик Пандоры, но я хочу сделать этот важный шаг. Хотя бы для самой себя!

Почти полгода я сомневалась писать или не писать. Про что? О чем? Про кого? Внутри меня до сих пор борются неуверенность и оптимист-мечтатель. Я кажусь себе бездарной в сравнении с теми, кто использует сказочно-космические обороты и чей словарный запас втрое больше моего. Но в то же время я верю, что обязательно найду отклик среди других, кто думает о том же, но не решается написать.

Я помню, как написала свои первые мысли вслух. Было раннее утро марта, я первый раз стояла на беговой дорожке и смотрела в огромное стекло спортивного клуба. Сейчас вообще модно, чтобы в тренажерном зале было обязательно такое стекло или огромные окна, или чтобы спортивный клуб был на одном из этажей торгового центра, и тоже везде стекло.

Обилие стекла напоминает мне старый сериал, где главная героиня занималась балетом. Стены ее танцевального зала, который находился на первом этаже здания на оживленной улице, были полностью из стекла. И все, кто шел мимо могли наблюдать за ней.

Сейчас повсюду то же самое – никакой интимности, никакого таинства процесса и чувства расслабленности (как по мне). А зачем? Пусть люди, идущие на автобусную остановку, видят, как кто-то другой в это время потеет на тренажере, в каких лосинах сегодня бегают или как виртуозно крутит педали. Вот так утром выходишь на балкон, а перед тобой целое немое кино. Потягиваешь сигаретку или вещаешь белье и можно посчитать, сколько дорожек в зале, кого больше М или Ж, как персональный тренер открыто флиртует с клиентом или наоборот. Заходишь в торговый центр, а на этаже с фаст фудом стеклянные двери спортивного клуба и фото красивых тел. И ты, как бы не замечая, начинаешь договариваться с самим собой или с той девушкой с красивой попой с фотографии, что это твой последний гамбургер и завтра начинается новая жизнь/диета/правильное питание. Нужно подчеркнуть.

А главное, видя все это, ты должен или решить, что с понедельника/нового года/весны тоже пойдешь/займешься/купишь абонемент или смиришься и будешь продолжать договариваться с собой каждый раз, когда ты будешь видеть это стекло. Потом придет ненависть. К тому, что не можешь найти время или желание, или возможность, или силы. Со временем ты начнешь искать другой путь к остановке, обходить стороной тот этаж в торговом центре, не выходить на балкон. А потом научишься просто не замечать это стекло, за которым кто-то делает шаг к другой жизни, а ты все еще только хочешь этого.

Я помню, как тогда, не зная куда жать на этой проклятой беговой, я осознала, что моя жизнь изменилась. Прошла эйфория переезда, сбилась оскомины периферийной жизни, марш бросок по первым ассоциативным достопримечательностям, новогодний кутеж и отрезвляющий февраль прошли. Надо было входить в русло новой жизни, привыкать к новому климату,

району, городу, строить новые социально-бытовые связи и маршруты. И я пошла в зал. Самый лучший способ и самый примитивный.

Я всегда ненавидела ранние подъемы, всегда умела встать с первой же секундой после будильника за 15 минут до выхода. А тут надо было а) признать, что ты поправилась, б) встать в холод и темноту, и в) сделать вид, что ты знаешь, как обращаться со всеми этими железками.

С кем поговорить утром, когда все твои родные и друзья остались в другом городе и заняты другой жизнью, а то и вообще разбросаны по свету? Самые близкие. У одних сейчас ночь, у других – такие же заботы с детьми, как и у тебя. Раз в две недели переписка, а то и вовсе голосовые сообщения – это сейчас наш уровень общения!

Куда выплеснуть весь тот монолог, который как бушующее море бьет о скалы свои воды? Свои мысли, которые, кажется, гонят кровь по сосудам, и я слышу этот всплеск о стенки. Мысли, которые, словно муравьи-трудоголики, передают по цепочке что-то огромное, больше их самих, в муравейник, собирают буквы, раскиданные по маленькой клавиатуре на экране смартфона, в то, что потом десятки раз перечитывается, исправится и робко выйдет в свет социалки. Смущаясь, будет слегка приседать в коленях, натягивать пониже подол одежды, прятать свои веснушки на носу за неуклюжими пальцами и ждать первых реакций.

Когда мысли, которые роем подозрительных пчел пролетают от уха до уха, по одной освобождаются от временного плена и оседают там, на пьедестале верхней заметки в блокноте, и держаться там, порой язвительно поглядывая на тебя, сверкая датой. Когда заходишь в блокнот, чтоб записать умную мысль, натыкаешься на последнюю сделанную запись, задумываешься, почему так долго не писала. А потом и умная мысль прошла, и тоска нагрянула, и так захотелось полета, чего-то большего всех тривиальных проблем, дел, забот...

Когда я поняла, что мне легче написать, чем сказать, особенно то, что творится в моей душе, тогда и появились первые строки.

Начиная эту книгу, я сопротивлялась около полугода: куда мне? я не смогу. В эпоху быстрых лайков, детей твиттера и магических 140 символов, неумения нынешней молодежи вчитываться в текст, ютуб блогеров-подростков – написать книгу и мечтать ее издать – это проект, обреченный на два пути развития: везде и всюду предлагать свою книгу, соперничая с тетеньками из ситцевых пирамид, или просто вбить нужную сумму в статье расходы с пометкой «лишь бы мама не скучала». Казалось, я так не хочу.

Затем в один из дней я прочла фразу, которая стала волшебным пенделем для меня:

«не сравнивайте свое начало с чьей-то серединой»

И все сошлось. Знаете, как в рекламах, когда последняя капля падает в уже налитую и спокойную гладь, брызгами разлетаясь в стороны и создавая своим прикосновением круг. Так и эта фраза со скоростью метеорита врезалась в мою внутреннюю плотину – я решила, что пора писать что-то большее, чем тексты в телефонных заметках.

Вот так появились истории четырех океанов, истории четырех отношений, четырех женщин и их борьбы за любовь. Четыре выбора, четыре долгих пути к своему единственному, четыре истории о том, что счастье есть.

Евангелина

Морская гладь переливалась десятками оттенков. Туман спускаясь с гор, ласково наступал на вершины деревьев, что едва оделись в свои зеленые нарядные шали из снега. Чистые воды волн, словно играя колыбельную гальке, раз за разом накатывали на берег, не торопливо сбегая пенной обратно.

Камни такие разные, но такие одинаково отточенные и просоленные, лежали идеальным пазлом и с высоты пирса на них было смотреть одно удовольствие.

Эти камни, как-будто *Её* мысли. Такие разные. По форме. Цвету. На ощупь. Но такие нужные друг другу. С каждым накатом волны они блестели на солнце, пытаясь ещё больше выпятить свои просоленные бока. Так и внутри её головы, какие-то слова и фразы словно кричали: мы достойны твоего, мы сверкаем ярче остальных.

Словить себя на мысли, что *она* стоит голыми ступнями в воде удалось не сразу.

Ей так хотелось прочувствовать самой этот холод, начиная с кончика мизинца. Захотелось, чтоб волна накрыла ее татуировку на ноге в виде черепахи, медленно тянущую звезду на своём хвосте, помогая подняться выше.

«Ты сможешь!» – кричало море изо всех сил, успокаивая и вселяя свою бездонность и спокойствие.

После долгой разлуки оно хотело говорить, оно хотело новых строчек, а у нее уже не было сил сдерживать этот клубок запутанных идей и мыслей.

Туман опустился ниже, он едва касался синих вод и жадно пил их. Море ликовало все больше, горизонт его вод сливался с небом в идеально переходящие оттенки одной морской палитры.

Ветер, раззадоренный наступающим вечером, отрезвляюще обнимал за плечи, закрадывался под подол одежды и поднимал мелкие капли.

Когда *она* перестала чувствовать холод, ноги уже не слушались, они шли дальше по пузатым камням под прозрачной водой.

«Ты сможешь. Это твоё начало»

Со стороны дороги уже несколько раз настойчиво слышались автомобильные гудки. Водитель такси, словно двенадцатый удар курантов, вырывал из этой сказки. Напоминал про счетчик, время, начинающийся дождь, а может ему вообще было скучно и тоскливо, вот так наблюдать, как какой-то безумной захотелось походить босой по берегу моря 31 декабря.

Все его мысли уже были в подсчетах. Сколько он сегодня выполнит заказов, останется ли ему праздничный салат и где он встретит заветный бой часов. Пару раз он тоскливо поглядывал на волны. Вспомнил, как четыре года назад провел замечательный семейный отпуск, с заветными утренними 6—7 часовыми подъемами, дневным сном, вечерним променадом всем семейством по маленькой набережной курортного посёлка, на которой стояли все заведения, что были в нём. Как дочери таскали ему ракушки со стеклышками, а он носил маленькими ведёрками воду для их замков, которые сам же и строил. Как они визжали, когда выходя с моря он забрызгивал их водой. Как их маленькие ножки бежали по песку, заливаясь хохотом и визгом, а потом этот песок скрипел у них на зубах, когда они поглощали кукурузу, а жена, прикрывая лицо огромной полой шляпы бурчала, что она только что намазала тело кремом для загара, а песок прилип к ее только что подрумянившимся бокам. Как лучи закатного солнца отражались в её глазах и морщинки в углу глаз улыбались каким-то умиротворением...

Вдохнув просоленный воздух он вспомнил, как в последний вечер этого отпуска жена, уложив детей, вышла на веранду. Плотно прикрыв дверь в комнату девочек, виновато опустив глаза, мяла что-то в руках, а потом заплакала. Не сказать, что именно так он представлял себе

завершение отпуска. Но то ли соленый воздух, то ли южный ветер, то ли шум раскатистых волн в дуэте с чайками, – но именно тогда они приняли решение, из-за которых в его жизни появилась необходимость еще одной работы и еще одни маленькие ножки, которые радостно бегут навстречу, как только он приходит домой. Жена по прежнему вытирает мокрые руки о передник, встречая его у дверей. Трое малышей наперебой рассказывают о своем прожитом дне, пока накрывается стол. И уголки ее глаз все так же нежно и ласково улыбаются, при встрече с его глазами.

Вспомнив про них, он ощутил, как губы его растянулись в улыбке, а где-то в районе солнечного сплетения стало так тепло и хорошо, что он, готовый было уже крикнуть, «пора в путь!», остановился и дал спокойно девушке на берегу нашептаться с камнями и наговориться с морем. Кто знает, может ей море тоже принесет хорошую весть.

«Да, пора в путь, денег есть только в одну сторону, еще это ожидание надо будет оплатить» – проносилось у нее в голове, но безмятежность и спокойствие предновогоднего моря не отпускало её. Надо еще столько всего успеть. В голове она еще лелеяла мысль, что проведет этот странный год, полный неожиданных поворотов, разочарований, предательства и неуверенности в кровати, успеет включить новогодний фильм, откроет шампанское и, возможно, даже успеет загадать и сжечь на бумажке желание.

Как наивна *она* была, человеческое коварство и подлость не знает предела.

Уже сидя в машине, проникшись к таксисту только лишь за его молчаливое ожидание на берегу, *она* вдруг решила спросить, какие у него планы на вечер? Объяснив, что есть определенная сумма денег, за которую *ей* нужно найти водителя, готового отвезти и привезти их с сестрой на мероприятие в другой город, и что есть все шансы успеть до боя курантов, но можно и не успеть.

К *её* удивлению водитель согласился и они условились куда и во сколько надо приехать, дальнейший маршрут, и что предоплату она дать не может, сама получит деньги только после мероприятия. Сама бы она ни за что не согласилась на такие условия. Возможно новогоднее чудо таки случится с ней?

На душе моментально полегчало. Страх безответственности перед людьми, своя репутация и чистая совесть были частично спасены. Безумный день, начавшийся еще вчера подходил к своему экватору, а ей казалось пролетело полгода. Меньше 10 часов назад она, после очередной выходки, собрала остатки силы воли и самолюбия, оборвала длительные, садистские отношения, в которых изначально была стерта грань между рабочим и личным, и шагнула в бездну и безысходность. Засыпая на короткий сон она была уверена, что по пробуждению поедет к родственникам и встретит спокойно первый за последнее десятилетие Новый год в кругу семьи. Утренний телефонный звонок от бывшего партнера изменил все планы. Без приветствия и довольно в жесткой форме *ей* напомнил, что у них есть определенная договоренность, и хоть лично договор так и не был подписан, он непременно приложит все силы, чтоб устроить ей «веселую» жизнь, если мероприятие не будет проведено. А также напомнил сумму неустойки в случае отказа.

Надежда закончить этот год «как все» умерла вместе с этим звонком. Через полчаса Она уже ехала в такси на место, проверить площадку и по путно обсуждала с напарницей как им быть.

На месте она также быстро решила все формальные вопросы и, остановившись на пятнадцать минут у моря, поехала обратно.

Время было обеденное. Въезжая в город, она вдруг поняла, что сейчас будет проезжать практически мимо *его* дома. Быстро набрав номер, в надежде застать его еще дома, вспоминая вчерашний разговор о времени сборов, она услышала знакомый сонный голос.

– Ты скоро выходишь? – и не дождавшись ответа, добавила – Сделай, пожалуйста, пару бутербродов, со вчера ничего не ела. Бужу ждать на нашем месте – сказала *она*, и указала дорогу таксисту.

Рассчитавшись, обменялась контактами с таксистом, уточнив время, *она* закрыла дверь машины. Вытащила из сумки *его* подарок, который еще вчера хотела подарить.

Быстро проглотив пару бутербродов на автобусной остановке они сели в маршрутку. За короткое время по пути, она подарила ему кольцо «спаси и сохрани», чмокнула в щеку с дежурным «с наступающим!» и вышла на своей остановке. *Она* не хотела спрашивать ни что было вчера после *её* отъезда, ни что он думает по этому поводу, не говорить, как жизнь *её* боднула в очередной раз. Не хотела говорить как сегодня *ей* будет тяжело. Как будет не хватать *его*, потому что она собиралась уйти из компании. Сразу же после нового года. Хотела под бой курантов написать *ему*, что сделала выбор. Что не хочет больше начинать новый год отношений с другим. Что хочет попробовать дать шанс им.

Его не будет дня два, а может и три, а ей сегодня еще надо использовать весь свой потенциал и решить как жить дальше. Как за следующие две недели найти сумму, которую она должна была получить за эти три дня, чтоб оплатить последний год своего обучения, иначе ее отчислят. Сумма была не огромная, но и в новогодней кутерьме найти ее быстро было нереально. Можно занять у родственников, но этот вариант был самым последним и не наилучшим.

В условное время машина была на месте и они с напарницей отправились в другой город на работу, прихватив бутылку шампанского на обратный путь. По радио играла одна из любимых песен. Тихо, фоном. В машине было тепло, за окнами валил снег. Зимние сумерки, когда зажигаются первые фонари на дорогах, а прохожие быстрее бегут по тротуарам, скользят по переходам, постепенно пустеющие улицы, мигающие гирлянды на окнах, стоящий в воздухе задор и веселье. Дух приближающегося нового года, казалось, передавался даже через стекла машины, в свете фонарей ее только что перекрашенные светлые волосы отливали шоколадным блеском.

К нему она не успеет привыкнуть, потому что скорее всего перекрасится скоро обратно. Но, как истинная женщина, начинать новую жизнь и новый год она решила с новым цветом волос, и пусть не таким уютным, но зато теплым и с красивым названием «мокко».

Он прислал смску, что тоже выехал. Что *её* не хватает, и что все только и говорят о ней. Она ответила, что не хочет этого знать, и что хотела бы по-другому встречать новый год.

На месте они оказались вовремя. Разобрав вещи, она стала ждать начала, которое, естественно, сдвинулось на полчаса, потом на сорок пять минут. Каждый раз, выходя курить на улицу она извиняясь. Пыталась объяснить таксисту специфику работы, на что получила уверенное и ёмкое «все нормально» больше не донимала бедного мужчину своим беспокойством. Решив просто докинуть немного денег, к прежде оговоренной сумме. Ближе к началу, уже было ясно, что план встретить новый год дома с фильмом и пузырьками в стакане не суждено сбыться. Но разве она не понимала, что так и будет?

После вчерашнего скандала, если уж ломать кости, то все сразу. Она даже в глубине души радовалась, что все так. Обрато вернуться желания даже не было, рубить было необходимо сразу и быстро. Эти отношения с самого начала были не правильные, а потом после первой громкой ссоры и первого признания в любви от другого, год назад все вообще настолько запуталось, что можно было снимать сериал. И вот вчера у веревочки нашелся конец. Сейчас, вдыхая морозный воздух, конечно внутри болело. Было досадно, обидно, но вполне предсказуемо. Все люди бояться перемен. Особенно те, кто громче всех их призывает. Сразу находятся тысячи причин передумать. А в голове прокручиваются сценарии различных «а если». И вот ты, секунду назад готовый совершить свой выбор, изменить жизнь, повернуть русло судьбы, уже готов извиниться. Взять свои слова обратно. Пойти еще на более унижительные уступки, лишь бы ничего не менять, ни к чему новому не приспособливаться.

Вместо обещанных десяти вечера, в обратный путь они отправились ближе к полуночи. До нового года оставалось каких-то полчаса, до дома было около 100км. Слезы катились по щекам, сжимая в руке конверт с гонораром она понимала, что здесь едва хватит оплатить работу таксиста, не говоря даже о своей доли, денег оплатить работу напарнице тоже практически не было. Эта сволочь, не только вчера настроил против нее заказчика, (хотя мог выдумать сказочную историю, на которые был мастер, и в нее бы без проблем все бы поверили, и освободил бы ее от необходимости этой поездки), так он решил унижить ее окончательно, забирая «процент директора» Прекрасно зная, расценки на услуги такси в новогоднюю ночь, этих денег в концерте едва бы хватило.

Еще вчера были совершенно другие планы на день, месяц, жизнь. Еще вчера, она уже сегодня должна была положить себе в карман уверенность в очередном году обучения, о заключительном году, когда наконец-то получит диплом, по той профессии о которой всегда мечтала и начинала строить карьеру, и сказать «прощай» этому коллективу. Этому человеку и такой жизни.

Еще вчера, она беспечно покачивала ногой, набирая текст смски ЕМУ, что скоро уходит и что предчувствует, что новый год станет волшебным и принесет перемен. Но каких перемен? Или так и должно было случиться?

Они два месяца не были близки. Но уже два года он держал на коротком поводке. Все чаще вел себя ничтожно. А она играла роль жертвы, считая такие отношения вполне сносными.

Еще вчера она подумала, что этот год она провела с другим и морально и физически больше, чем с тем, кто смеялся и держа ее за талию, злобно прошептал в ухо «кому ты пишешь?» сбросил пепел с сигареты ей на голову. Она отчетливо запомнила как спокойно и холодно убрала его руку. Как внутри бешено колотилось сердце. Как отряхнулась и со всей силы ударила его по щеке и закрыла дверь за собой.

Да, она знала, что он был всегда таким. И когда-то её и зацепила эта непредсказуемость, это бунтарство, этот взрывной темперамент, а потом засосало как снежный ком. Но закрывая дверь в буквальном смысле, она ожидала и боялась, что он может и броситься за ней. Хотя наличие еще четырех ребят, которые явно его бы задержали ее успокаивало. Она закрывала дверь и в переносном смысле. Конец рабству. Стокгольмскому синдрому. Конец этому мазохизму. Конец этим неправильным изначально отношениям.

Еще вчера она знала, что он этого так не оставит, он захочет отомстить, как любой слабый мужчина.

Она прокручивала эту сцену и уже не стеснялась слез, уткнулась в плечо рядом сидящей подруге. Та поняла все без слов и сказала

– Главное, чтоб хватило оплатить такси! Мне отдашь потом.

Она взяла в руки телефон и написала Ему. Полное горечи и обиды сообщение. Вылив на него по привычке все без остатка и фильтра. Зная, что он рядом с тем человеком.

В ответ пришло только три слова « я с тобой», и увидев время на часах она попросила водителя остановиться. Без пяти минут полночь.

Где-то вдалеке раздавались звуки салютов, а небо над морем озарили разноцветные огоньки. Указатель всемирно известного детского лагеря был хорошо подсвечен. Он был выкрашен во все цвета радуги. Они пили шампанское прямо из бутылки, плакали, поздравляли друг друга с новым годом. Даже обняли на радостях водителя такси, хорошо он только доставал телефон позвонить жене и поздравить её с новым годом.

Именно тогда, там, на берегу моря, с шампанским в руках, рядом с разноцветной стеллой она поняла, что сейчас хотела бы быть только с ним. Молча вдыхать этот морской ночной воздух, загадывать желание, смотреть на море и цветные огни над ним.

То ли холод, то ли магия двенадцати часов, то ли перенесенный стресс – но шампанское очень быстро закончилось. Они сели в машину, немного захмелели и хохоча. У женщин, как и у маленьких детишек, всегда же так – от слез до смеха один шаг.

Уже подъезжая городу им пришло гениальное решение в голову, что жизнь то продолжается и надо все таки приехать и отметить как-то. И в этот момент зазвонил телефон. Это был её троюродный брат. Из тех, кто всегда поздравляет с праздниками, и к которому никогда не обращаешься с просьбой, хоть точно знаешь, что он ее всегда выполнит. Они редко виделись, хотя и жили на одной улице последние несколько месяцев. Неожиданно для себя, она вдруг спросила напрямую, где он и с кем празднует, и не будет ли против, если они с напарницей приедут. Тот ни сколько не удивился и сказал куда ехать. Новый год был спасён.

Добравшись домой ближе к утру, она констатировала факт, что не смотря ни на что, они сегодня не только выполнили условия словесного договора, «отработали» последние долги бывшему директору, встретили новый год на берегу моря (можно ведь и так посмотреть на ситуацию), но еще неожиданно попали в веселую компанию, где были не только сытно накормлены, но и даже получили подарки и отправились домой на такси.

Засыпая утром, она поняла, что рана уже и не так болит, но год начинается интересно.

Закрывая глаза, на экране было одно сообщение.

«С новым годом!» из последних усилий прочла она и закрыла крышку телефона.

Спала долго, спокойно и без снов.

Первое января по традиции они отмечали семьей. Писать ему было бесполезно. Он либо спит, либо не в состоянии будет ответить. Да она и не хотела, ни писать, ни думать, ни плакать. И ничего больше знать о том, что уже для нее прошлое, она не хотела!

Одевшись в растянутый старый свитер цвета фуксии, она не узнавала себя с новым цветом волос в зеркале. А еще казалось, что за эти два дня накинула пару лет и сбросила пару килограмм. Придя к выводу, что если оставит этот шоколадный оттенок – придется менять половину гардероба, а финансов на это ей никак не выделить-решение вернуть привычный цвет волос пришлось сразу. Однозначно было бы легче жить в мире, где краска для волос решала бы проблемы.

Помогая убирать со стола, она в этот раз не сопротивлялась родительским коробочкам и баночкам еды с собой, и брала все, что ей давали. Уверяла мать, что никак не может остаться. Ей надо в свою квартиру, где ждет пёс, который и так, приготовил сюрпризы везде от радости одиночества.

Транспорт к вечеру проснулся вместе с горожанами и домой она ехала в пустой маршрутке, уповая лишь на то, что водитель к девяти-то вечера успел отрезветь. Судя по тому, как в ее городе ездит общественный транспорт некоторые постоянно употребляют.

Пёс сидел под дверью и лишь закинув сумки и схватив поводок они вместе выбежали во двор.

Конец первого января всегда имеет какое-то отрезвляющее воздействие. Новогоднее веселье подходит к концу. Кутерьма, закружила её на одни долгие сутки, длинную в три дня, казалось сегодня закончится до полуночи.

Она ляжет в кровать, в своей маленькой квартирке в общежитии и спокойно уснёт.

Но на деле все оказалось по-другому: внезапно накотившая жалость к себе, пустота квартиры, одиночество, страх перед неизвестностью нового поворота в её жизни, осознание всего происходящего за последние дни, унижение, обида, чувство использованности.

Долго крутясь и вытирая слёзы об подушку, заснула через пару часов. Верный пес, медленно и практически бесшумно, спрыгнул с кровати, стоящей напротив, и подошел к ней, ткнул своим носом в плечо и, залезая к ней на кровать, уткнулся мордой в колени.

Конечно, она вытолкнула эту довольно тяжелую задницу с обрезанным хвостом от своего лица и тогда пес закинул передние лапы и морду на кровать и своим тёплым носом уткнулся ей

в зареванную щеку. Обхватив его за шею с длинными ушами, она потянула его к себе, и обняла. Вот, кто был самым верным на свете. Вдвоем они уснули до утра.

До конца недели она решала самый главный вопрос, даже два – где взять деньги на учебу и где найти срочно работу, начало января не самое лучшее время брать кредит, ни у друзей, ни в банке. В последний она таки сходила. Казалось, даже работник кредитного отдела пожалел её, узнав размер официального дохода. Получив отказ в банке, жалость к себе накрывала новой волной.

Откладывать она не умела всегда жила сегодняшним днем. За что ей жизнь давеча и преподнесла новый урок.

До конца срока выплаты оставалось несколько дней, занимать просто так у родственников не могла поэтому решилась на отчаянный шаг. Уехать за границу. Чтобы найти срочный контракт пришлось поднять все старые связи. Ничего её не держало больше тут, а разобраться в себе лучше всего было вдалеке от дома.

Прошло всего полдня, и на расставленные сети поступило предложение. Оно было идеальным. Три месяца. Три месяца это не срок, это приехать и уехать, даже не осознать. Но три месяца вдали от больного прошлого, три месяца проветрить голову и развеяться, понять свою внутреннюю мотивацию, заработать на учебу и пару килограмм новых шмоток, – да об этом было можно только мечтать. Она сразу дала согласие и готова была ехать обсуждать все детали.

Сразу показалось, что не все так потерянно в этом, едва начавшемся году, что воздается за страдания. Но все было бы слишком приторно и сказочно, если б было именно так, как предполагалось вначале.

Сначала сдвинулся срок отъезда с февраля на март, а потом и вовсе конкретна дата перестала существовать, ограничиваясь лишь месяцев. Затем начал увеличиваться срок самого контракта, сначала четыре, потом пять, а потом и все восемь.

Она могла поехать только на три, иначе не успела бы к установочной сессии. Это был её самый весомый аргумент и вроде бы действенный.

Покончив с одним вопросом еще до Рождества, она тут же решила удержать удачу за хвост и найти какую-нибудь подработку, пока не уедет, с живыми деньгами. С эти оказалось еще сложнее.

В начале января либо временной работы не было и все были до середины месяца на каникулах, либо она была, но попасть на нее было не реально.

Нет, с неё не упала бы корона пойти мыть посуду, или полы, когда хочешь есть – гордость и самолюбие плохая диета, так и помереть же можно. Просить деньги у матери она больше не хотела.

Знакомая предложила раздачу листовок на улице, самая низкооплачиваемая фирма, но выбора не было, и она согласилась. Ни то чтобы она стеснялась раздавать листовки на улице. Еще с детства спокойно относилась к любой работе: чистить коровник, собирать сено, продавать семечки, мыть машины.

Но она никогда не работала официанткой, потому что внутренняя женщина-катастрофа переплачивала бы в два раза больше заработанного за разбитую посуду, никогда не работала уборщицей, и никогда не раздавала листовки. Самые лютые морозы января и февраля, и немного марта – четыре дня в неделю по пять часов в день она стала раздавать листовки на перекрестке перед овощным рынком.

В первые же несколько дней, найдя общий язык с уличными торговцами, что стояли рядом, она быстро вняла их советам и отыскала в закромах родительской кладовки свои школьные сапоги на высокой платформе. Чем выше от земли, тем теплее. Носила с собой картонку, которую стелила под ноги, надевала не красивый, но длинный пуховик, отказывалась от утренних рыночных «сто грамм» для согрева, и много болтала с продавщицей чулок и носок, кото-

рая рассказывала истории из жизни. И каждую зарплату брала у нее пару носок, которые «как своей» продавали чуть дешевле остальных.

У продавщицы было все, как у всех. Двое детей, один подросток, второй вот-вот школьник, муж «козёл» и не очень любимая работа. Каждый день она начинала свой рассказ со словами: « ну ты представь, что вчера мой козлина опять учудил». Все шутки про святость восьмого марта, не вынесенный мусор, непоколебимость правильности её решений, искреннее сожаление, что дни матриархата давно прошли. Через день дежурная фраза про развод и девичью фамилию, и много других историй и жизненного опыта, которые можно было намотать на ус, в случае если и в её жизни случится такой же «муж-козёл».

Именно поэтому она и решила рассказать всё как есть абсолютно чужому человеку. Через полтора месяца она уедет, и скорее всего, больше не встретит никогда. Это было подобно исповеди. У неё то в жизни оказывается уже был такой «козёл», но только продавщица семнадцать лет так живёт, а она, слава Богу, легко отделалась за два года.

Но главным было то, что ей можно было выговориться. Без осуждения, без имен, без масок. Как есть. Время шло быстрее, когда было с кем поговорить, всегда можно было прикрыть спину, если уходила раньше, или опаздывал – продавщица всегда подтвердила бы проверяющему, что «девочка тут была, работала и вот только что с ней разминулись».

Потом, спустя два года, когда проверяющей стала она, именно в эту точку ездила специально, чтобы проверить работника, в надежде встретить эту женщину. Но тогда её уже не было. И она еще раз убедилась в том что все люди проходят с нами определенный путь, и встречаются на нём ровно тогда, когда нужны больше всего. У кого-то срок пробыть рядом всего полтора месяца, у кого-то несколько лет, а у кого-то и всю жизнь.

С *ним* они встретились на Рождество. Он пришел в гости с огромной миской жаренного картофеля и куриной голени, а также с двумя мягкими игрушками. Для *неё* и для её сестры. Но последней он почему-то в подарок выбрал белого и пушистого медвежонка, а *ей* придурковатого и смешного ленивца из известного мультлика. Интересно, *она* что на него чем-то похожа, или это намек? И почему ленивец-то?

Когда он снял шапку с капюшоном захотелось присесть. У входной двери стоял некогда кучерявый и длинноволосый мужчина, сверкающей своей девственно голой черепушкой ярче лампочки над собственной головой.

Первый шок сменился хохотом, потому что удивить своей новой прической хотела именно *она*.. И когда они с сестрой уже дошли до стадии « смех сквозь слезы» *он* напомнил, что на улице холод и, принесенное им блюдо и так остыло по пути к ним.

К концу вечера разговор естественно дошел до предновогоднего инцидента и всех вытекающих последствий, но и это было ничего, если бы *он* не позвал их с сестрой в кино. Не ЕЁ одну, а ИХ. Что *её* больше в тот момент зацепило *она* так и не знала, то ли что вспомнили все эти сложные дни, то ли от того, что она позволила себе наконец-то выплакаться, то ли потому что *он* же испытывал чувство к *ней*, все это знали, и *она* и сестра, но зачем же *он* позвал их обоих?

Ревность залилась в и так запутанные мысли и *она* гордо поджав губу отказалась, думая, что и сестра последует за *ней*. Но ошиблась.

На следующее утро они пошли на «длинный и скучный фильм про синих человечков с другой планеты» по версии сестры и « офигенный новый фильм Кемэрона» по версии его.

С середины января у *неё* началась подготовка к отъезду. Он сначала был назначен на первую половину февраля. Поэтому *она* решила не прекращать новогоднюю кутерьму, а плавно перейти в отходные вечеринки, лишь бы трезво (и в прямом и переносном смысле) не думать о том, что же делать и как быть. Пока нужно было дожить до середины февраля, сесть в самолет, наконец-то там выспаться, а потом уже можно будет и подумать.

Много информации предстояло выучить. Необходимо было решить еще всё с учебкой, кому оставить пса и квартиру и многое другое по мелочи.

Две недели после их встречи и неудачной попытки сходить в кино не прошло, а пролетело в суматохе. О том, что уезжает, *она* еще гордо заявила ему выстрелив в ответ на его внезапную лысину. Кроме этого и стрелять было нечем – новый цвет волос *он* так и не оценил. Во всём остальном *он* знал *её* лучше кого бы то ни было. Получился ли нужный эффект *она* не поняла, все испортило это дурацкое приглашение в кино.

Все случилось в воскресенье. Вечер подходил к концу. На часах было уже за полночь. Но у них все ещё продолжалось воскресенье. Оно закончится только тогда, когда за невидимые ниточки потянет усталость и дремота, и тяжёлые веки сомкнутся в сладком сне, а не когда часы отчеканивают четыре нуля, холодно и сухо оповещая о начале нового дня. Январская выюга выла дуэтом с несколькими бездомными собаками за окном. То ли сочувствуя им, то ли пугая очередной холодной ночью. Одиночные звуки проезжающих машин становились все реже.

В квартире пахло сигаретным дымом и макаронами.

Распитая бутылка вина стояла на полу, пытаясь спрятаться за ножку стола, виновато выглядывая и просвечивались под лучами включённого и торшера.

– Наверное, пора спать – сказала *она* и щёлкнула выключатель.

По тяжелому вздоху поняла, что *он* хотел ещё что-то сказать, но не решался.

– Ещё один шанс ускользает в эти секунды – пронеслась мысль в *её* голове. И, возможно, это был последний их шанс, хотя далеко не единственный. Но все предыдущие уже были в прошлом.

Что стало решающим в тот момент? Билет на поезд, подписанный контракт, полтора года отношений на грани, морозная январская ночь, вой собак или очередной приступ жалости и одиночества к себе? Чувства, кипящие внутри *неё*, сдерживать которые уже не было силы. Алкоголь, который пульсировал по венам, и придавал решимости, совсем немногим своим количеством он легко помог исчезнуть страхам и взять верх эмоциям над разумом. Красивый и идеальный парень, давно питавший к *ней* чувства, что лежал всего в двух метрах от *её* кровати – не известно.

Но *она* набрала полную грудь воздуха и на одном дыхании едва слышно произнесла:

– Кто-то обещал быть моей личной грелкой.

Всё. Вызов был брошен. Вызов. Или жребий. Как там говорил *её* любимый Цезарь. Всё умолкло в следующую минуту.

Он ничего не сказал, просто через мгновение почувствовала, что он уже рядом и от первых прикосновений по телу пробежал ток...

«О, Боже, что я делаю?!» пронеслось в голове, но его губы жадно впивались в *её* шею, спускаясь ниже...

За окнами начинался рассвет, *она* не хотела засыпать. *Она* боялась утра понедельника и не знала, чем все это закончится.

Но пока, под покровом тьмы, в его крепких объятиях можно было выдохнуть, почувствовать себя живой и наконец-то забыться сном.

Так начинался двадцать третий день января. День, когда *её* вселенная перевернулась с ног на голову...

В девять утра *ему* надо было подменить кого-то в магазине, и поспав несколько часов, он ушел. *Она* занялась уборкой квартиры – лучшее средство, чтобы отвлечь мысли это внезапный и основательный «синдром Золушки».

Но, выдержав паузу в три часа, не удержалась и всё-таки набрала его номер. *Он* не отвечал.

«Спит» – подумала *она*.

Слишком хорошо уже зная его к тому моменту. Одевшись красиво, почему-то захотелось выглядеть именно красивой, устранив с помощью косметики следы не очень свежего вида, *она* решила поехать у *нему* и развеселить.

Знала, куда ехать лишь в общих чертах. Он сто раз рассказывал про магазин, но всё вытеснили вчерашние воспоминания.

Выход из ситуации *она* нашла быстро – набрав номер его мамы, с которой говорила за последний месяц второй раз в жизни. Первый раз когда ехала вручать немного перебравшего на новогоднем корпоративе сына, который между прочим, *ей* этого до сих пор не простил.

Конечно, *он* спал, опустив голову на руки, как школьник за партой, а в наушниках играла музыка. *Она* еще несколько минут рассматривала его, тихо присев на стул напротив и не могла понять, что произошло? Почему сейчас *она* смотрит на него совершенно по-другому? У *нее* и раньше были отношения такого характера, а уж тем более секс на одну ночь. Но *она* почувствовала еще тогда, засыпая в его объятиях, что это не просто одна ночь. Это не просто финиш полуторагодовых дружеских отношений. *Она* почувствовала, что под кожу попало новое ощущение, новый приток крови. Но *она* отгоняла эти мысли, потому что в ящике стола лежал подписанный на шесть месяцев контракт, а мужчины, как известно, ждать не умеют. Даже три месяца, которые собиралась там пробыть.

Она не могла понять, что это было вчера? Жертва? Отчаяние? Порыв? Безумие? Желание? Алкоголь? Судьба?

Она смотрела на этот уже отросший ежик черный волос, рука сама потянулась провести по ним, они нежно щекотали ладонь, вытягивая из памяти некоторые ощущения вчерашней ночи.

Как сейчас себя вести? Как посмотреть в глаза? Понравилось ему? Оправдала его ожидания? О чем он вообще думает? Ну и самый страшный вопрос: а дальше что?

Она достала из его ушей наушники и позвала по имени.

Проснувшись, *он* улыбнулся, и одно это уже придавало уверенность.

– Ты тут давно?

– Достаточно, чтобы успеть выбрать себе кофточку и штору!

– Будешь чай с чем-нибудь? – потягиваясь, спросил он.

– Да, с утра ничего не ела!

За ним закрылась дверь, *она* ставила чайник и искала чашки, а он ушел в соседний магазин купить что-то сладкое.

Она не хотела задерживаться, но и как узнать что он думает по поводу вчерашнего, а главное узнавать ли?

Выпив чай и обсудив планы на день, они что сегодня и завтра у каждого запланированы свои репетиции и встречи. *Она* ушла, пообещав позвонить.

На сердце все еще было волнение, Когда-то давно уяснив одну вещь, что порой лучше сделать и жалеть, чем наоборот – *она* просто приняла тот факт, что они провели ночь вместе. *Она* не хотела давать мыслям ход, поэтому лучшим средством после уборки была отличная тренировка и долгий сон.

Следующий вечер *она* провела с близкими подругами, где естественно не удержавшись, рассказала им, конечно по секрету, как это всегда бывает у женщин, что произошло и что совершенно не знает, как поступить дальше.

Одна приняла новость скептически, а другая порадовалась. Советы были противоположными. Это еще больше расшатало внутренний маятник, прошло двое суток, а *он* так и не звонил. А у *нее* не было повода. Нет, повод позвонить ему *ей* не нужен был никогда. Никогда. До позавчерашней ночи.

Уже по дороге домой, *ей* пришло от него сообщение:

«Почему-то не могу выкинуть тебя из головы. Постоянно только о тебе и думаю».

Открывая входную дверь, *она* молча взяла поводок, загадочно улыбнулась своему псу и долго долго смотрела в экран телефона, думая, что же ответить. Написав в ответ одно лишь: « Приезжай»

Эта ночь была совершенно другая. Нежная, раскрепощенная, чувственная, романтическая. У *неё* в квартире еще не было ни компьютера, ни интернета, старый маленький телевизор, показывающий всего три-четыре канала. Карта памяти телефона вмещала не так много песен, и уж тем более, учитывая предыдущие события, плейлист был составлен совершенно по-другому.

Одна единственная медленная мелодия, служащая саундтреком к известной в том время саге играла раз за разом. Став лейтмотивом их отношений, таких ночей. Когда их души сливались в один большой казанок и нежно томились на медленном огне, обильно посыпались приправами, нежно и аккуратно перемешивались и сливались какой своей частичкой в одно единое целое.

А после они слушали музыку, из его плеера, каждому доставалось по одному наушнику и этого было достаточно. Он любил засыпать с музыкой, а ей всегда давил на ухо неудобный и твердый кусок пластмассы. После того, как он засыпал *она* вытаскивала их и выключала плеер.

Так *она* стала слушать его музыку. А он ночевать в *её* квартире.

Они ходили в кафешки, в гости к друзьям, иногда просто гуляли по городу, не держась еще за руки. Расстояние между ними было настолько ничтожным, что *её* пальцы периодически цеплялись за его. Везде и со всеми они вели себя также, как и прежде, как старые добрые друзья. И только в *её* квартире все было по-другому.

Практически каждый вечер он приходил к *ней* и оставался до утра.

Иногда он жарил *ей* курицу в четыре утра, а *она* курила в форточку. Иногда с утра они завтракали одной напополам лапшой быстрого приготовления, а то и вовсе не завтракав, быстро выбежав с собакой, убегала на репетицию, оставляя ему смешную записку, чаще целую, но иногда половину лапши и второй ключ.

У *неё* могла уже закончиться репетиция, или быть переделанными куча дел, а он только просыпался и всегда писал ей сообщение «доброе утро» сколько бы времени не показывали часы.

Так было два месяца.

Про их отношения знали лишь немногие, они никому не говорили. Как и не говорили об *её* отъезде. Они жили настоящим. Растворялись в каждой ночи. Не гадали на завтра.

Постепенно стирались границы стеснения. *Она*, давно открывшая ему душу, училась открывать своё тело. Побороть кучу комплексов, не стараться быть кем-то, быть собой, делать то, что любит *она*, показать как *она* это любит, прощупывать его слабости, желания, центры удовольствия.

Второй месяц подходил к концу. Уже была известна точная дата *её* отъезда. обстоятельства сложились так, что три месяца всё таки превращались в восемь. И единственное, что *она* смогла сделать, это всеми правдами и неправдами сократить на два месяца свою поездку, сославшись на учебу. Хотя главными фактором давно уже были *её* отношения с ним. О чем *она* никогда бы ему не призналась, и свадьба лучшей подруги, которой *она* прикрывала истинные причины. Потому как, кто-то, а эта подруга бы точно простила *её* отсутствие на своей свадьбе. А простить себе оставить его на восемь месяцев *она* не могла.

Как бы того не хотелось, но заводить разговор об их отношениях, характере и перспективе – было необходимо.

И, конечно же, завести должна была его *она*, потому что ему эти разговоры были не нужны.

В одно утро, набрав в легкие воздух, надевая халат, специально повернувшись к нему спиной, *она* начала:

– Я уезжаю через неделю! – пытаюсь, как можно спокойно и ровно произнесла *она*, присев на край кровати рядом с ним, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Я помню – также спокойно и тихо прозвучало в ответ.

– Здорово! – *она* уже было хотела встать, но он удержал, за руку потянув на место.

– Что мы будем делать? – этот вопрос как-будто висел в воздухе с той самой ночи в конце января. Потому что они оба уже тогда знали о её отъезде.

– Я честно не знаю. Полгода это много. Да и у меня уже нет таких чувств к тебе, как раньше. Такой юношеской влюбленности.

Она почувствовала, как внизу живота, чуть пониже пупка стянуло тупой болью.

Нет чувств? А что тогда происходит между ними каждую ночь?

Набравшись смелости посмотреть ему в глаза, *она* не увидела его, теперь этого не хотел он.

Он встал, отошел к окну. *Она* чувствовала, что он подбирает слова.

Нет, *она* хотела кричать, что он мерзавец, негодяй и вообще аморальная личность. Каждую ночь он исполняет такие вещи, от которых сводит судорогами пальцы ног, а теперь он говорит, что видите ли нет у него влюбленности! Да и не нужна ей эта влюбленность. Хороший секс тоже не плохой бонус отношений. Человек, которому можно писать из другой страны, с другого уголка света, человек, который был близок и дорог – это тоже неплохо, не нужны ей чувства от него. Не нужна влюбленность. Просто он нужен. *Ей* просто нужно знать, что он ЕСТЬ.

Не надо *ей* вот этого всего, особенно громких обещаний. Хватит с *неё* голословности. Позёрства. Притворства.

Просто знать, что тебя ждут дома чуть больше, чем денежные долги, верный пес и квартира в общежитии, по которой плачет капитальный ремонт.

Она прервала тишину:

– Хорошо. Пусть так. Никто никому ничего не должен, в конце концов. Давай только договоримся об одном. Я понимаю, это долго, особенно для мужчины. Пообещай мне сказать заранее, если у тебя появится кто-то, или чувства к кому-то.

Самое страшное это напрасные ожидания. Я все пойму. Переживу. И не буду держать на тебя зла. Просто скажи раньше, чем сделаешь.

Я обещаю в ответ так же быть честной с тобой. – закончила *она*.

Больше они не возвращались к этому разговору.

Последняя неделя была насыщенная. Они обменялись футболками и фотографиями, чтобы вспомнить чаще друг о друге.

Она собрала целую коробку маленьких и разных мелочей, которые в той или иной степени заставили бы его о ней вспомнить. Там были и таблетки от изжоги, которой он частенько страдал, фотки, билеты, буклеты и открытки с мест, где они были вместе, копилка, чтоб он наконец стал откладывать на мечту, была коробка его любимого чая, чтобы найти её *она* объездила полгорода, пара сладостей, диск с песнями, которые они чаще других слушали по ночам, и так кое-что по мелочи. Естественно *она* положила туда еще и записку. Одному Богу известно, сколько черновиков *она* исписала, подбирая слова, путаясь в фразах, пыталась слушать своё нутро. Написать все как есть или сделать большое усилие и не накручивая объяснить как видит *она* эту ситуацию?

Она не видела трагизма в полугодовом отсутствии. Не видела его не в плане физического удовлетворения, в конце концов мужчинам с этим делом вообще не привыкать жить, ни в духовном. В век интернета и телефонов. Да, *она* будучи уже в таких поездках знала, как будет

периодически рвать крышу и у него и у нее, но она также знала панацею от этих срывов. И это был даже не алкоголь, а работа, которая была у каждого.

Она понимала прекрасно, что всё реально. Верила, искренне верила, в отношения на расстоянии, и знала, что все зависит только лишь от желания. У неё оно было. Огромное. Дикое и огромное желание остаться с ним. Разорвать контракт, выплатить неустойку. А потом и оплатить обучение. Было бы чем, только.

Но как? Как после тех слов, про отсутствие чувств *она* перешагнет самолюбие и скажет, что у *неё* те самые чувства вроде бы есть? Поверит ли он *ей*, если всего три месяца прошло, как разорвались *её* прошлые отношения, и два из них она была с ним? Да и собственно, о каких чувствах идет речь? *Она* и сама толком не знала, что чувствовала к нему. И даже была рада, что все так. *Ей* надо много времени и пространства разобрать свои полочки в голове и сделать дезинфекцию тараканам.

Поэтому о чем писать в записке *она* думала пару дней. Решила всё таки остаться милой и любезной девочкой и написала не так лично и открыто всего несколько предложений.

За два дня до отъезда, *она* была в клубе с подругами, а после не смогла устоять соблазну, набрала его номер и поехала к нему.

Зная, что нарушает рамки приличия, потому как пройти в его комнату надо было через спальню родителей, которые могут проснуться от визита гостя. Но *она* так хотела его увидеть, так хотела сказать все, что не написала вчера в записке, что *её* бы вполне устроило выйди он просто к такси.

Он провел *её*, борющуюся с икотой и смехом, в свою комнату, заварил ей крепкий чай. А пока он старался не греметь кружками на кухне, *она* из детских букв, написала на полу три слова «я буду скучать» на ковре возле его кровати.

Чай помог немного, икота прошла, сменившись слезами. *Она* всё таки не удержалась, обнимала его и говорила, как ей будет не хватать, как он много значит в *её* жизни. А потом они просто лежали и слушали его песни из плеера, он перебирал *её* волосы, поглаживал по голове и носом упирался в *её* висок. Они просто лежали и молчали. Им всегда было о чем поговорить. И сейчас тоже, но почему-то они не говорили друг другу ни слова. Когда начало светать, *она* вызывала такси и успела уехать за несколько минут до того, как у его отца начал звенеть будильник.

В тот вечер, *ей* показалось, что все его слова про отсутствие чувств и влюбленности и вся остальная неприятная ересь, которую он выдал под маской безразличия – всего лишь умело разыгранная пьеса. Пьеса о том, что он не хочет казаться слабым, раздавленным, не хочет признать, что также переживает, что так же встревожен и растерян. Эта пьеса под названием «я мужчина» необходима была для его чувства самолюбия. Можно еще тысячи раз прокрутить эти слова в голове и каждый раз спотыкаться об них как об камни. А можно отпустить все к чертовой матери и подумать об этом завтра. В самолете, где-нибудь над безмолвным океаном.

Можно было часами смотреть в окно иллюминатора и прокрутить все, что произошло с той сумасшедшей ночи, когда сценарий к своей жизни начала писать *она*.

Поезд резко дёрнулся и медленно начал движение. Четверо девушек побросали все сумки и, прижавшись к окну, искали глазами тех, кто пришёл их провожать. Сцена была очень эмоциональна с двух сторон. Внутри поезда все с изумлением слушали хохот и крики девчонок, какие-то странные жесты и движения, и ещё больше все смотрели на странную группу людей, что на перроне махали платочками, танцевали совершенно не понятно что, складывали руки к голове, изображая ими сердце, вытирали слезы, допивали шампанское, пытались не отставать от уезжающего состава...

Он стоял вдалеке от всех. Простой, невысокий чёрноволосый парень в чёрной куртке. Прятал свои коротко подстрижены волосы и свой взгляд под кепкой. *Он* не кричал. Ни танце-

вал. И уж тем более, не махал носовым платочком в такт «маршу Славянки», под который уходили поезда с вокзала в этом направлении. *Он* стоял и смотрел. Когда поезд начал двигаться, а толпа потянулась за ним, растянувшись караваном вдоль поезда, *он* тоже медленно пошёл. Кто-то занял свои места, кто-то начал расставлять сумки, доставать сменную одежду или еду.

Но *она* кинулась в тамбур и достала телефон. Ещё полминуты *он* шёл наравне с окном и смотрел на неё. *Она* ждала его звонка, что *он* запрыгнет на подножку и проедет одну станцию с ней, а потом проводник, толстая незамужняя дама бальзаковского возраста, высадит его на следующей станции. Все понимая и уважая этот вполне романтический поступок, – не скажет ни слова, а потом принесёт чай, рыдающей всю дорогу у окна, девушке.

Она ждала, что он сейчас наберёт и скажет, что он был дураком, и как *он* её любит и как жалеет, что *она* всё таки должна уехать. Как будет её ждать, здесь на перроне, в аэропорту, в скайпе, во снах...

Перрон заканчивался. Поезд вёз её в даль, и давно его голова скрылась из виду. А *она* всё сжимала телефон и ждала. Вышли первые курильщики. Тамбур окутало туманом, и тут зазвонил телефон.

– Да!!! – закричала *она* так, словно молчала всю жизнь ради этого момента.

– Я отдам ключ твоей маме. – произнес *он* рассеянно, как будто выдавливая слова

– Оставь у себя. Потом отдашь мне. У неё есть мои ключи. – ответила *она*, словно они должны встретиться через неделю.

– Я не уверен, что смогу – как-то тихо сказал *он*, и *она* почувствовала горечь во рту. В солнечном сплетении стало жечь, потому что уже знала, что он скажет именно так. Потому что *она* не хотела слышать эти слова, пока не сядет в поезд. Пока не надо будет смотреть в его глаза и не знать, как убежать, как не разреветься, не заорать, не дать ему пощечину, не расцеловать. Мужчины редко умеют прощать расстояние и время. Им надо здесь и сейчас. Женщины сами их избаловали, немедленно выполняя прихоти, пуская сразу в запретное. Сами позволили однажды им не ждать, а получать все сразу. Сами однажды не смогли дожждаться. Медленно просчитав до пяти, пытаясь хоть как-то успокоить голос, *она* ответила:

Хотя бы не ставь перед фактом. Будь честен, я пойму! – и повесила трубку.

Вагон мерно покачивался, табачный дым всё ещё окутывал тамбур, но вдруг стал маленьким, как спичечная коробка. *Она* почувствовала себя тем жуком, которого в детстве засовывала в коробок, поспешно вытряхнув на пол все спички. Стало тесно дышать, трудно стоять, взявшись за ручку двери, всматриваясь в мелькавшие за грязным окном маленькие дома окраины города, *она* подумала о человеческом тщеславии и гордыни.

Она всегда верила в любовь. Всегда спорила с противниками фразы «и жили они долго и счастливо», что так бывает не только в кино, что жизнь это больше, чем хиппи энд и титры на горизонте. Что есть в жизнь великое чудо – любовь. А *она* верит в чудо.

Все полтора года *она* была уверена, что *он* будет всегда рядом. Что можно говорить с ним часами по ночам, выговаривая все бесплатные минуты со своего телефона, потом с его, а потом еще с родительских. Можно ходить с ним под руку, устраивать шуточную свадьбу в пиццерии на первое апреля, получить от него колючку вместо первого цветка, детскую игрушку юлу вместо валентинки. Впервые отвести на каток, учить кататься на коньках, бесконечно перебирать его запутанные волнистые волосы, лежа на диване, смотреть мультик про панду, ходить среди ночи через дорогу на заправку, потому что *она* круглосуточная, а разговор душевный. Плакаться ему, когда очередной роман дал трещину. Ревновать к его попыткам завести собственные отношения, слушать его музыку из одного наушника, не разговаривать несколько месяцев, а потом молча переписываться всю дорогу, сидя напротив друг друга и молча смотреть в глаза, не отдавать неделю его свитер, которым он согрел в слишком холодный осенний вечер.

Она верила в дружбу между мужчиной и женщиной, прекрасно понимая, что с его стороны это давно стало больше, чем дружба.

Но *её* всё устраивало, что-то вроде запасного аэродрома. Маленького, не востребованного, но такого необходимого.

Но как бесконечно одиноко было уже без него. *Он* вошел в *её* жизнь так естественно. Сначала ждал на пороге, стеснённо жался у входной двери, а потом остался навсегда. И с каждым последующим днём стал заполнять *её* пространство и полочки в голове, постепенно выселил всех тараканов и заселил своими, показал всю силу и мощь настоящей мужской дружбы и любви, заботы, уважения и достоинства.

Дважды за прошедший год *она* не дала шанса изменить их отношения!

Выпив лишний бокал шампанского в прошлую новогоднюю ночь, от обиды и досады очередного предательства *она* была не против сначала натянуть его свитер, чтобы согреться, а потом, чтоб он отвёл *её* в номер. Там *она* полночи еще всхлипывала, а *он* гладил *её* по голове.

Какая ирония! Четыре месяца назад всё было с точностью да наоборот. Именно тогда они просидели под звёздами пол ночи. *Он* лежал головой на *её* коленях, а *она* гладила его запутанные волнистые волосы. Смотрела в *его* мягко-карие глаза и уверяла, что всё ещё будет.

А сейчас *он* делает всё тоже самое, но только ничего не говорит. От тепла ладоней и выпитого, глаза стали закрываться. Наступало утро нового дня и нового года. Рядом был тот кому *она* могла доверять. Прижалась к нему ближе и перебираясь к подушке, попросила не уходить. Они еще долго лежали и просто смотрели друг другу в глаза. И перед тем, как окончательно провалиться в сон *она* всё таки почувствовала вкус его губ, которые словно спели ей колыбельную своим БОльшим, чем дружеским, поцелуем.

Следующие двенадцать часов *она* спала, а проснувшись решила веселиться, ведь этот праздник любила с самого детства.

Они ходили вместе на побережье, где было слишком ветрено, и прослушав всего несколько композиций, понимая, что сейчас маска веселья с *ней* слетит – они вернулись в город и расстались до вечера.

В шумной компании общих знакомых отмечали наступивший новый год. Прощаясь вечером, *он* впервые сказал «Я тебя люблю». И тут земля вернулась *ей* под ноги. Эти слова *она* тогда не хотела слышать больше всего, особенно от него! Как он мог? *Он* нужен ей сейчас больше всего! Как друг, как брат! А теперь уже всё разделится на до и после этих слов!

Да и как можно поверить, когда всего 4 месяца назад они склеивали *его* сердце по кусочкам? Сейчас самое время стать лучшими друзьями на всю жизнь. Без всей этой ванильной банальщины. Хохотать в кинотеатре. Есть вкусную пиццу. Скидывать песни друг другу, называть себя неудачниками, выбирать новые очки, пить разбавленную кока-колу и вкусные хот-доги на рынке. Есть картошкой фри мороженное, встречаясь в университете договариваться о следующей встрече, обсудить всех возможных кандидатов на руку и сердце друг друга, кормить бездомную собаку сосиской, ходить на концерт... а он портит все своим «люблю»?!

Нет, *она* не поверила ни тогда, на прошлый новый год, ни еще через полгода. Когда снова попали на те же грабли, оказавшись наедине. Отправляясь по какому-то «очень важному поручению» для всей компании, *она*, как обычно, неуклюже вошла в лифт, зацепившись за порог ударилась лбом. Как в детстве наигранно обиделась на его смех ответив, что он бессердечная сволочь, мог бы и пожалеть. И, конечно же, *он* не придумал ничего лучшего, чем поцеловать *её* в лоб. И этот поцелуй в лоб в лифте почему-то оказался очередным толчком. Пока они доехали с пятнадцатого этажа, казалась прошла вечность, а *ей* впервые захотелось *его* как мужчину. Но двери открылись.

Она, встряхнув головой попыталась выбросить все эти мысли. Не получилось. Выйдя из подъезда, *она* вдруг осознала, что слишком темно, поздно и холодно. Идти было недалеко, и поэтому вцепилась ему в руку, опять оказалась в его мастерке, которую *он* заботливо успел захватить перед выходом.

Она так любила его вещи. Они были больше всего на один размер, но всегда были теплыми, уютными и красивыми. Полосатый свитер, черная куртка, синяя мастерка.

Желание внутри *её* еще больше загоралось, потому что от мастерки веяло его парфюмом, а рука так крепко сжимала его, что *он* остановился и резко развернув начал *её* целовать.

Они неприлично долго отсутствовали, но этого, казалось, не заметил никто. Ничего дальше жарких поцелуев в тот вечер не зашло, скорее всего потому, что хозяйева вечеринки не предлагали никому ночлег. Все разъехались по домам, и они, разъезжаясь в разные концы города, еще долго переписывались немного двусмысленными предложениями, пока *она* не уснула с телефоном в руках.

Почему тогда, летом *она* не дала ему шанс? опять? Чего не хватило тогда? Уже год, как отношения, в которых она состояла приносили лишь беды, и полгода, тогда как *он* был для *неё* готов на всё и был всегда рядом?

Прими его тогда, *она* вполне бы могла сейчас не сидеть в этом вагоне и не ехать черт знает куда одна. Они могли ехать куда-то вместе, ведь он предлагал, почти год назад. Уехать вместе. *Ей* было страшно что-то менять в жизни. Но изменения пришли сами.

Почему понадобилось кровавые и выматывающие полгода, чтоб январской ночью, когда уже терять было нечего сделать шаг навстречу ему. Взять инициативу в свои руки. Бросить жребий.

Бабы дуры? Нет, не так. Бабы-дуры. Зачем так себя мучать? Зачем эти театральные страсти? Зачем эти сценарии, чтоб вот это вот все: скандалы, интриги, расследования. Чтоб кипела кровь, чтоб летели тарелки. Звонили, неумолкаемо, телефоны, лились слезы, вино, а может и все вместе....

Вон *он* – тот единственный, кто мог стать *её* гаванью, безгранично синим океаном, *её* запахом ночного летнего дождя, звуком барабанищих капель по шиферу дома, треском полена в костре, ароматом утреннего кофе с корицей и имбирем. Мог быть *её* путеводной звездой, *её* осенним хороводом листьев, хрустом снега под полозьями, самым родным и бесконечно любимым – вот *он* – стоит на перроне их родного города, а *она* уезжает от него за десятки тысяч километров.

Каждая секунда разделяет их все больше. Каждая *её* доля рвет сердце все больше, и кусочки все мельче. Сколько слёз в молодости *она* пролила по безответной любви, в шестнадцать, восемнадцать, двадцать. Сейчас слёз совсем не было. Хотелось скрутиться в маленький комочек, свернуться, тут в углу тамбура. Укрыть голову руками, мерно раскачиваясь в такт поезду, застонать.

В такие моменты *она* завидовала интровертам, людям, кто с легкостью мог скрыть свои чувства, сохранить своё достоинство, не опускаясь до просьб, мольбы, слёз. *Её* внутренняя девочка-истеричка металась по углам клетки, и рвалась наружу! *Она* хотела кричать в трубку от безысходности. Уличить его во лжи, предательстве, лицемерии. Найти хоть один изъян в *нём*, чтоб был повод, чтоб не было так больно.

За окнами уже темнело, пассажиры поезда постепенно стали готовиться ко сну, что было заметно по увеличивающемуся потоку курильщиков в трениках и хлопанье туалетной дверью.

Она знает, что ждет *её*. Знает, что сумеет жить одной лишь датой возвращения, что одно лишь это число будет стоять *ей* всех лишений, трудов и отказов во всем. Дата, когда *она* вновь сможет потрогать гладь *его* волос, заглянуть в чайные глаза, которые *он* гордо и упорно называет зелеными.

Но сможет ли *она* всё это?

Чем дальше *она* гнала эти мысли по кругу, тем невыносимее становилось. Окончательно вырвать *её* из плена самобичевания смогли девчонки, звавшие ужинать и проводник, раздающий постельное белье.

День заканчивался.

Двадцать третий день марта подходил к концу.

Каждый раз открывая свою самсунговую раскладушку, которая на время становилась лишь средством хранения дорогих сердцу букв и звуков, *она* перечитывала и без того выученные наизусть несколько сообщений за эти два месяца.

Сколько раз они были ей лучше всякого допинга. Сколько раз они поднимали *её* по утрам. Сколько ночей подряд они желали ей спокойной ночи. Сколько сил они придавали, когда взгляд падал на календарь.

То, самое первое сообщение, после их первой ночи, или те три слова «тебя не хватает», однажды посреди ночи, или его бесконечные «доброе утро» ближе к полудню. Все это хранила маленькая память телефона, вытеснив все остальные переписки, потому что человеческая память не надежная штука.

А еще там были их песни. Маленький плейлист из десяти-двенадцати композиций, которые навсегда останутся в памяти. Вытаскивая из сундука воспоминаний жар январских ночей, километры дорог, капли морской воды на ресницах, пронизывающий теплый ветер гор, первые лучи рассветов, мурашки от первых прикосновений, разноцветные оргазмы, колючесть свитера, щетины, нежность рук и губ, скользящих снизу вверх.

Первый месяц промелькнул, оставив за собой кучу административной работы, тысячу сообщений, отправленных через интернет и *его* редкие ответы и акклиматизацию.

Он медленно разбирал коробку, каждый раз оставляя кучу скобок смайликов в сообщениях. Удивляясь *её* прозорливости, говорил, что оглядывается на каждую блондинку в городе, и весело болтал в редкие телефонные звонки.

К концу второго месяца *её* начала одолевать тоска и одиночество. Ей стало казаться, что вот там – дома – жизнь кипит у него. А у *неё* тут, где каждый день как на вулкане, где новый язык, страна, квартиры, люди – все обычно. *Она* хотела драмы разлуки. Чтобы *он* признался, как ему не хватает *её*, даже если ради этого нужно будет пойти на провокацию, использовать запрещенные приемы, вытаскивать эти слова клещами.

Чтоб каждое *его* сообщение начиналось, как же *он* страдает без *неё*.

Внутри *она* понимала, что перегибает, что эти все поверхностные розовсопливые, не искренние и шаблонные мимишности – это всё не то. Это всё не мужское, и так и должно быть. Это *ей* надо прекратить свою истерику.

Он сдержанный. *Он* воспитанный. *Он* не опускается до уровня этой посредственности. Но *она* хотела скандала.

Она хотела скандал и *она* его устроила. Очень легко устраивать скандалы и истерики, когда *она* не могла ему написать, а *он* не мог ей позвонить.

А через две недели *она* неожиданно для себя встретила того, кто разбил *ей* сердце в этой стране пять лет назад. Того, с кем *она* представляла свою встречу в течении двух лет после этого, отчеканивая свою речь ненависти к нему.

Того, с кем были первые серьезные отношения, кто подарил кольцо, а через месяц сообщил, что не приедет и между ними все кончено по телефону! Кто успел завести семью и даже стать отцом, а потом вдруг сбежать от этого всего в эту страну и встретил *её*. Куда *она* также сбежала от всех.

Конечно боли от обиды уже не было, и *она* с радостью приняла *его* предложение поужинать.

Они вспоминали то время, когда эта страна их познакомила и они прожили тут вместе полгода. Она много расспрашивала о семье (он так хвастался ею в их редкой электронной переписке, что *она* не могла удержаться, хотя знала, что там все плохо), но он стиснув зубы отвечал на все *её* вопросы, а потом начал стрелять в ответ.

Зная о её мучительных двухгодичных отношениях, он бил в ответ по больному. Но ей впервые за четыре месяца стало легко об этом говорить. Впервые она смогла трезво признать насколько заблуждалась, и что все надо было пройти самой, чтоб понять это.

И так же просто и непринужденно она рассказала о том, что в её жизни появился человек, с которым она может быть счастлива.

– Ты была счастлива и со мной – выстрел был явно в голову.

– Когда-нибудь ты поймешь, что бывают люди, которые никогда не предадут. Но для этого придется пройти через очень много предательств – ответила с улыбкой она. С грациозностью и легкостью выкрутившись из его объятий, которые начали граничить с дружескими, поцеловала в щеку и пожелав спокойной ночи, удалилась из ресторана.

Это было круче, чем две две тысячи слов, которые она подбирала для своей речи. Как же она хотела сейчас же позвонить ему и все рассказать, но у неё закончились деньги на карточке.

В тот день она навсегда сделала вывод, что если и будет с кем-то – то только с ним. А если нет – об этом она думать не хотела.

Нас следующий день она пополнила карту и они помирились. Невозможно было столько молчать. Она больше не могла вынести это отсутствие новых сообщений, когда каждый раз открывала ноутбук и заходила в социальную сеть.

Невозможно было чувствовать, что человеку на том конце земного шара больно и одиноко. Не от того, что у него что-то болит, а потому что кто-то не может переступить свою гордыню. Своё тщеславие. Нет этим чувствам места в отношении двух.

Кто-то должен был уступить, и в этот раз это сделала она. То ли от того, что чувствовала вину за собой, то ли от того, что уступал чаще всего он.

К началу третьего месяца общение выходило на новый уровень.

Он подключил себе дома интернет и теперь период переписки сменился заветным синим значком с функцией видеозвонков. Оставляя лишь след в виде новых записей, посылаемых друг другу, с помощью текста передающих эмоции и чувства одного конкретного момента.

Она ложилась спать в пять утра, чтоб пожелать ему спокойной ночи.

Он ждал её до четырех, чтоб пожелать доброго утра.

Между ежедневными прогулками, поездками, развлечениями она выбирала всегда наушники и компьютер. Таскала с собой в магазин ноутбук, потому что туда дотягивает интернет, чтоб показать ему смешные названия продуктов. Носила с собой в парки, ехала с ним в машине, потому что в районе с кучей офисов открытый wi-fi не роскошь.

Она сделала около сотни снимков экрана его разных выражений лица, его эмоции, пародии. Его смешного, грустного, доброго, коварного. Обольстителя, злодея, искусителя. Его любимого. Его родного.

В те дни, когда у него была работа она ходила гулять с девчонками, постоянно звоня ему на телефон. Телефонная будка с красной трубкой, что стояла за углом их дома была всегда свободна. Даже ночью туда было не страшно отправиться, если надо было сказать ему что-то личное, или пореветь в трубку, чтоб никто не слышал, кроме него. Потом у неё появился местный сотовый.

Когда ей было слишком одиноко, она покупала бутылку вина, банку тунца и оливок. Сидела на широком подоконнике и смотрела на мерцающие огни мегаполиса и слушала их плейлист. Зачеркивала дни в календаре, рисовала узоры в тетради, что-нибудь шила или мастерила. Монтировала коллажи из их фоток, потому что совместных за это время у нее было всего две, и наслаждалась наступившем летом. Ни только на улице, но и в душе, представляя, что она дома. Вот сейчас ляжет спать, а завтра проснется и они встретятся.

Еще одна неудачная попытка бывшего любовника (теперь уже того, по чьей милости этот новый год она провела незабываемо) вернуть отношения, написав красивую речь, в которой

он естественно падал ниц, признавался во всех грехах, просил прощения и возвращения – увенчалась провалом.

В этот раз *она* смело кинула ему в ответ:

«Спасибо за то, что я могу быть счастлива с другим» попросила его больше не унижаться.

Наконец-то вся грязь прошлого отвалилась и смылась. Все концы были обрублены и, подобно щупальцам осьминога, они один за одним освобождали *её* тело от плена своих оков. *Она* могла расправить плечи, плыть вольным стилем, вдаль, за горизонт, могла жить, мечтать, любить.

Так шли дни, пока однажды *он* не написал ей « Я тебя люблю», потому что был не один в комнате. *Она* не могла дышать, прочитав это.

Это было то, что *она* хотела услышать тогда, стоя спиной, надевая халат в своей квартире. А он ответил, что у него нет чувств.

Это были те слова, ради которых *она* бы выкинула свои чемоданы с поезда и прыгнула вслед за ними, но *он* так и не сказал их на перроне.

Это были те слова, которые закупорили все *её* раны и обнулили все счетчики. Те самые важные слова, от которых гравитация перестает тебя держать.

Она была в смятении. *Она* хотела крикнуть ему в ответ, но что?

Кричать «ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ» было бессмысленно.

Правда ли *она* его любит? Поверит ли он ей?

Она не могла ему ответить сразу. И весь следующий день провела, копошась в чертогах своей памяти, разбирая по полочкам и закупоривая в бутылки те чувства и воспоминания, которые *она* хотела сохранить навсегда.

Она уже любила раньше, не считая теперешнего, два раза. Но это была другая любовь.

Первая и самая долгая любовь случилась с ней в шестнадцать.

Дневники, заполненные мелким почерком с датами и именами, с секретами и откровениями, строчки, хранящие первые разочарования, ароматы полевых цветов, первых поцелуев под звездами, первые и осторожные шаги в восприятии своего тела, становлении себя, как девушки. Подростковые драмы, безумные признания, колкие фразы, предательства. Шум летнего дождя, звуки летних дискотек, лай соседских собак.

Она любила тогда так нежно и так долго, что их ребенок, родись он от первого поцелуя – уже бы пошел в школу, и в один прекрасный день, после проведенной безумной ночи вместе, *она* вдруг узнала, что он женится на другой.

Собирая чемодан в слезах, сбежала в эту страну, где находится и сейчас. Спустя несколько лет тот человек признавался ей в любви. Давным давно был разведен, говорил их общим знакомым, как он ошибся в жизни, как сделал неправильный выбор, но момент уже был упущен. Почти семь долгих лет *она* ждала его и любила. Но любовь прошла.

Тогда, вместо похода на его свадьбу, куда по невыносимой жестокости, *она* была приглашена – ехала сюда впервые. И эта страна залечила раны и показала, что любовь может быть другой, а отношения прекрасные. Взаимные, уважительные, трепетные, эмоциональные.

Но, как только билет домой лежал в *её* паспорте, отношения тоже стали паковать чемодан, как жаль, что *она* этого не заметила. *Она* так излечилась от предательства, что и поверить не могла, что окунётся в него буквально через полгода, открыв заново свое сердце. Позволив ему полюбить заново.

А потом сердце осталось здесь, а *она* вернулась домой и познала горечь расставания, смерти близкого и очередного витка душевного диссонанса.

С тех пор, дважды прогорев до тла от любви и дважды будучи преданной, *она* решила, что теперь *её* очередь платить по счетам.

Три года никто не мог достучаться до *её* сердца. Поклонники менялись, кто-то задержался на дольше, кто-то на меньше, последние отношения были мучительные потому, что в них

не было любви и уважения. Было лишь потребление. *Она* получала одно, от *неё* в ответ получали другое. По-хорошему, тем отношениям грош цена была полгода, но все случилось так, как случилось.

И сейчас *она* в той стране, где ждало *её* сердце. *Она* понимала, что вот она – *её* третья и, надеется, последняя любовь. Но как боязно было об этом говорить вслух.

Прошло несколько дней молчания. *Он* задал всего один вопрос: любит ли *она* его?

А *она* искала ответы. Специально не открывала ноутбук, специально пропала на несколько дней, чтоб всё понять.

Вот однажды, *она* забежала в обеденный перерыв, за забытым планером, и взгляд упал на его маленькую фотографию паспортного формата, что была приклеена на скотч у изголовья *её* кровати. *Он*, с улыбкой Мона Лизы, и этот его полосатый свитер. И *её* осенило – ДОВОЛЬНО бояться своих чувств, выждать момент, подходящего случая, бояться показаться простой, прямой.

Она поняла – *она* ЛЮБИТ *его*. ЛЮБИТ с того момента, как *он* нёс на руках *её* в гостиничный номер. С тех пор, как *она* покупала кофе и круасаны с его любимой начинкой и шла к нему на работу в обеденный перерыв. С тех пор, как впервые надела *его* полосатый свитер, как распутывала *его* волнистые волосы, как приняла вместо цветка – колючку, как держала за руку, когда *он* первый раз встал на лёд.

Её сердце снова было на мест. В тот день *она* написала *ему* всё, что было на душе. Рассказала все самые страшные сердечные обиды и тайны, все признания в своих страхах и сомнениях, а ещё подошла к начальству и попросила расторгнуть договор.

Утомительные разборки на работе, где начальники меняли гнев на милость, чередовали *её* угрозами неустойки и штрафов с очень заманчивыми долгосрочными контрактами и предложениями.

Она была непоколебима. *Она* летела домой, ни секунды не задерживалась на работе, очень редко стала выходить гулять, только лишь в те дни, когда *его* тоже не было дома.

Спустя месяц начальство пошло на уступки, выдвинув только одно условие, чтоб *она* нашла замену. Это не составило труда, и как только были подписаны все бумаги – билеты на самолет отдали *ей* в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.